

Какая тоска...

Есть станица въ прекрасной области „Войска Донскаго“—Есауловской зовутъ. Станица большая. Наполовину старообрядческая, а если взять купцовъ, то они почти всѣ старообрядцы. И вотъ, наблюдая, мы видимъ, что въ Есауловскую отъ насъ получаютъ журналъ только одинъ экземпляръ. Въ прошломъ году былъ еще одинъ—*бесплатный*. На нашъ запросъ о причинахъ ничтожнаго вниманія къ собственному старообрядческому журналу намъ написали почти буквально слѣдующее: «Наши купцы почти всѣ старообрядцы, но, къ сожалѣнiю, старообрядцы только на словахъ. На самомъ же дѣлѣ они почти совершенно ни во что не вѣрятъ, ни въ темное, ни въ свѣтлое. Они совершенно ничего не читаютъ и не находятъ это нужнымъ. Казачки есть и зажиточные, но въ большинствѣ—*бѣдненькіе*. Богатенькіе не хотятъ читать потому, что полагаютъ, якобы они и такъ все хорошо знаютъ. „На что намъ читать!?“ говорятъ обычно они. Бѣдные же или не имѣютъ средствъ, или же на заработанные гроши сидятъ подъ угломъ забора или хатки и пьютъ „казенку“. Священники наши здѣшніе совершенно полуграмотные и враги печати. Какъ ни прискорбно это явленіе, но что дѣлать, это фактъ. Нѣтъ у нихъ желанія пополнить свои знанія хотя бы чтеніемъ. Да что ужъ говорить о чтеніи, когда они и на богослуженіе обращаютъ плохое вниманіе. Пѣніе, на примѣръ, до того испорченное, что удивляться приходится, какъ его могли довести до такого состоянія. Въ храмѣ читать стало некому и ожидать чтецовъ неоткуда. Въ другихъ мѣстахъ, ужъ если дѣтей не отдають въ земскія школы, то хотя дома обучаютъ славянскому чтенію, но здѣсь и этого нѣтъ. И положительно некому взяться за дѣло улучшенія пѣнія и чтенія. Всякій спокойно отговаривается, что это не его дѣло, даже пастыри охотно ссылаются на то же... Тьма, тьма ужасная, безпросвѣтная и, къ ужасу нашему, нѣтъ даже попытокъ къ просвѣщенію и улучшенію общественнаго быта“.

Грустно, отчаянно грустно дѣлается при чтеніи таковыхъ сообщеній. Тяжелая гнетущая тоска ложится на сердце и съ горечью восклицаешь: Господи, да когда же мы проснемся и сознаемъ, что успѣхъ нашъ зависитъ отъ вѣры сознательной, крѣпкой и объединенной!..

Н. Зенинъ.

О М О Н И З М Ъ.

(Переводъ съ эсперанто).

Монизмъ есть религія, основанная на теперешнемъ знаніи. До сего существовавшія религіи, въ томъ числѣ и христіанство, описываютъ Бога всегда какъ человѣка и даже человѣка съ дурною нравственностью. Онъ почти всегда несправедливъ, мстителенъ, даже гнѣвливъ и имѣетъ ниже-

человѣческую суетность, желая, чтобы люди всегда его обожали и хвалили.

Религія всегда будетъ желательна для большинства людей и необходима для дѣтей, но эта религія должна быть насколько возможно больше обоснована на научномъ совершенствованіи.

Нѣтъ надобности бояться, что эта религія создастъ новые кандалы для человѣческаго прогресса, такъ какъ ея фундаментъ не есть книга, написанная людьми, но (она написана) самою природою, изученіе которой никогда не престанетъ.

По монизму все (животныя, люди, растенія, минералы, всякіе элементы и т. д.) едино. Все состоитъ изъ праатома (перво-атома), (т.-е самой маленькой частички, недѣлимой уже больше на части). Этотъ праатомъ, который имѣетъ таинственную жизненную мощь, есть вездѣсущій, вѣчный (всегда былъ и будетъ), всемогущій (безъ его помощи ничего не можетъ быть). Праатомъ—есть Богъ.

Мы—частицы этого бога, вѣчны, какъ и онъ. Умирая, мы только снова входимъ въ кругъ жизни, чтобы снова появиться въ безчисленныхъ новыхъ формахъ; мы даже можемъ вѣрить, что гдѣ-либо и когда-либо мы сдѣлаемся снова человѣкомъ или даже болѣе высшимъ существомъ, какъ это мы видимъ въ процессахъ химіи, гдѣ родственные элементы всегда стремятся соединиться вновь.

По этой вѣрѣ, бабочка есть символъ возобновившейся жизни, ибо ея существованіе есть продолженіе жизни гусеницы, хотя она и не помнитъ своего перваго существованія.

Возможно ли, чтобы такая религія имѣла нравственность? Даже болѣе обоснованную, нежели всякая другая. Ибо мы должны разсматривать всѣхъ людей, всѣхъ животныхъ и даже растенія какъ частицы насъ самихъ; мы всегда должны будемъ дѣлать возможно болѣе радости и возможно менѣе скорби всѣмъ существамъ, что и есть сущность всякой истинной морали (религіи).

Даже работа для прогресса человѣчества получаетъ новые мотивы. Ибо несомнѣнно, что частицы нашего сознанія вновь оживутъ въ нашихъ потомкахъ; такимъ образомъ является, что мы трудимся для самихъ себя, такъ какъ теперь мы заботимся о томъ только, чтобы наша жизнь была возможно пріятнѣе.

Эта религія также будетъ имѣть и свой культъ. Безъ культа (праздниковъ) человѣческая жизнь была бы очень скучна. Рожденіе, достиженіе половой зрѣлости, женитьба и смерть требуютъ культа (обрядовыхъ торжествъ). Также можно праздновать бывшіе до сего христіанскіе праздники года въ новомъ ихъ значеніи; но всѣ обряды должны быть таковы, чтобы они дѣлали жизнь свѣтлою, радостною, радостною до того, чтобы даже смерть была праздникомъ (по Ницше).

Теперь необходимо, чтобы эта религія получила какъ можно больше послѣдователей, открыто исповѣдывающихъ ее.

Они образуютъ изъ себя сообщество, какъ и религія, существовавшая до сего. Кажется даже, что эта религія будетъ также имѣть и своихъ мучениковъ (она собственно уже имѣла ихъ, на примѣръ, г. Брюно, и конечно—многихъ неизвѣстныхъ).

Но цѣль достойна мученичества. Люди, живущіе по натуральнымъ законамъ, въ то же время пользующіеся истинно-полезными благами культуры, будутъ болѣе здоровы, сильны, прекрасны тѣломъ и душою, а также болѣе счастливы и болѣе добры. Потомки этихъ людей будутъ уже истинно сверхъ-человѣки (воображавшіеся Ницше въ его „Такъ говорилъ Заратустра“), которые, возможно, послѣ совершенствованія въ теченіе милліоновъ лѣтъ будутъ смотрѣть на людей, какъ мы теперь смотримъ на обезьянъ¹⁾.

Н. Зенинъ.

БОГЪ МОНИЗМА *).

Монизмъ Геккеля—богъ человѣка XX вѣка и молодежи въ особенности. Эта статья—о „богѣ“ этого „бога“.

Человѣкъ всегда таитъ въ себѣ стремленіе найти одно возможно общее міро-и жизневоззрѣніе.

Онъ хотѣлъ бы изъ единственной, общей, всеобъемлющей и объясняющей первоначальной причины объяснить всѣ явленія міра и жизни.

Усиленіе, чѣмъ прежде, проявляется это движеніе къ общему мірообъясненію въ духовныхъ теченіяхъ и стремленіяхъ нашего времени.

Причинъ для этого много.

Это прежде всего вообще человѣческая психологическая потребность не оставаться удовлетвореннымъ теченіемъ явленій, а искать въ нихъ неподвижнаго полюса.

Затѣмъ законъ культурно-историческаго развитія: за періодомъ спеціализаціи наукъ слѣдуетъ періодъ ихъ объединенія.

Прошлое XIX столѣтіе открыло столько новыхъ областей знанія, что XX столѣтію, кажется, пора стремиться къ единству системы.

Наконецъ, въ современномъ культурномъ человѣкѣ все-таки не подавлена религіозная потребность и она требуетъ... трудно коротко сказать, что она требуетъ. Она стремится именно къ тому, что нѣкогда Августинъ разумѣлъ въ словахъ: „Неспокойно остается наше сердце, о Боже, пока оно въ Тебѣ не успокоится“,—и что подразумеваютъ поколѣнія послѣднихъ

¹⁾ Изложеніе сущности новой религіи Геккеля мы перевели съ эсперанто лишь для того, чтобы дать о ней понятіе нашему читателю въ цѣляхъ, чтобы помѣщаемая въ этомъ же № критика монизма въ статьѣ уважаемаго еп. Михаила была доступна пониманію не только читателя образованнаго, но и простого, рядового, такъ сказать. Отношеніе же къ этой религіи не можетъ быть иное, какъ только отрицательное. Н. Зенинъ.

*) На основѣ Klug'a Gottes Welt. Paderborn. 1912 г. Оливера Лоджа и др.